

Шах и...

Тяжелее всего было в первые несколько дней после крушения. Весьма естественно, даже несмотря на то, что необитаемый остров был практически идеальным для попадания на него. Деревья плодоносили, и плоды эти были съедобны и сладки, дикие козы дикими вовсе не себя не вели, да и спасенной с корабля еды хватило бы на долгие месяцы. Хищных животных, а также рептилий, птиц и рыб, на острове не было, или же они не показывались на глаза, предпочитая людям более мелкую пищу. Совсем недалеко от берега, на который уцелевших выбросило бушующим морем, они обнаружили небольшой, но уютный грот, вполне пригодный для временного проживания. Единственное, что делало жизнь одного из выживших невыносимой, это второй выживший. Точнее, вторая.

До начала их совместного путешествия уцелевший - назовем его, за неимением лучшего имени, Гарри - знаком с ней не был. Вернее, как не был - встречались пару раз на вечеринках у общих друзей. Возможно, однажды переспали, хотя ни один из них об этом не помнит или не признается. В общем, чужие, и даже в чем-то малопривлекательные друг другу люди. На одной яхте они оказались совершенно случайно.

Если сократить историю их появления на острове до необходимого минимума, то все организовал начальник и по совместительству друг Гарри, Трент. Трент был большим человеком - во всех смыслах этого слова. Он был крупногабаритен и имел низкую посадку, занимаемое им положение в обществе и его финансовое состояние порой вызывали у Гарри острые приступы изжоги, а главное, Трент был человеком широких вкусов и обширных интересов. Одним из его интересов были яхты, другим - Карибские острова, третьим - едва достигшие совершеннолетия раскованные и незакомплексованные девушки. Будучи успешным банкиром, Трент обладал возможностью удовлетворять все три интереса одновременно. Но как человеку большого честолюбия, ему требовалась компания, состоящая в основном из его же подчиненных. Так Гарри попал на яхту. Соратница Гарри по несчастью оказалась там совсем по другой причине, которая, впрочем, уже была названа.

Оставшуюся часть истории внимательный читатель может додумать сам.

Когда волна выбросила задыхающегося и чуть живого Гарри на берег, он уже смирился со своей участью. Двенадцати минут в бушующем, неуправляемом море хватило на то, чтобы сломить и без того надтреснутую волю к жизни банковского клерка. В какой-то момент он просто перестал сопротивляться стихии и закрыл глаза, готовясь встретить свою участь. Это-то его и спасло. Ее спасло чудо. Во время крушения она спускалась на нижнюю палубу в поисках туалета, и когда яхту разорвало пополам, успела зацепиться за деревянную балку. Выплыв на берег, она обнаружила там Гарри, но тот не испытал по этому поводу никакой радости.

Первые их полдня на острове они приходили в себя. Походив по берегу и посмотрев на остатки яхты и останки своих знакомых, Гарри залился истерическим смехом, а его

спутница просто закрыла глаза и села на землю. Вскоре он к ней присоединился. Так, сидя на нагретом карибском солнцем песке, обнявшись, как большие дети, они просидели до вечера. С заходом солнца наступила отрезвляющая прохлада, и они решили найти хоть какое-нибудь укрытие. Обнаружив скрытый от внешнего мира небольшой грот, они забрались в него и занялись сексом. Это был лучший секс в их жизни.

На следующий день они начали собирать остатки кораблекрушения. Море было спокойным и тихим, будто вчера ничего не случилось. Уцелело довольно много вещей; через несколько часов была собрана внушительная коллекция. Они стали счастливыми обладателями двух пластиковых шезлонгов, целого ящика с мясными консервами, трех удочек без снастей, топорика для колки льда, шахматной доски, нескольких кухонных ножей, мясницкого тесака, газовой зажигалки, чудом уцелевшей канистры с водой, трех спасательных жилетов, огромного куска брезента, устрашающего длинного заостренного куска алюминия, который Гарри назвал "копьем", трех шахматных фигурок - белой ладьи, черной пешки и черного коня, - трех курток из дорогой кожи, двух пар ботинок, бриллиантового кольца и кучи бесполезного деревянного, металлического и пластикового хлама. Все остальное смыло беспощадное море.

Все найденные вещи они общими усилиями вытащили на берег. Гарри взял на себя обустройство дома и постройку защитных укреплений от возможных опасностей, которые хранил в себе остров, а его сожительница отправилась искать пропитание. Консервы они единогласно решили оставить до худших времен. Оба были недовольны своим невольным партнером - Гарри считал ее глупой и избалованной девкой, а она в свою очередь, вероятно, мнила его мягкотелым и слабовольным кретином. Оба они в чем-то были правы.

Скука поглотила следующие несколько дней. У них имелась провизия, после нескольких неудачных попыток удалось разжечь костер с помощью зажигалки, ночью было тепло и свежо, что позволяло спать под открытым небом. Если правы те, кто говорит, что трудности сближают, то у двух чудом уцелевших в кораблекрушении людей не было ни одного шанса на сближение. Единственное, чем они занимались вместе - сексом; оказалось, что говорить им особенно не о чем.

Невозможная, тягучая скука и оказалась той самой трудностью, что их в конце концов сблизила.

На четвертый день их пребывания на острове Гарри, который то и дело перебирал спасенные с корабля вещи в тщетной попытке найти мобильный телефон, обратил внимание на шахматную доску. В шахматы он никогда в жизни не играл, даже на компьютере, но правила знал. Еще с самого детства, с тех пор, как родители отвозили его на выходные к бабушке, Гарри помнил, что конь ходит на три прямо и один вбок, слон - наискосок, а тура - только прямо. Для осуществления его плана не хватало только фигурок; Гарри посмотрел вокруг и увидел два пластиковых стула, один белый, другой черный.

Резать пластик мясницким тесаком оказалось непросто. Но безысходность взяла свое, и вскоре в распоряжении Гарри оказалось двадцать девять неровных кусков пластика, которые вместе с тремя найденными фигурами составляли полный набор. Гарри потратил еще немного времени на то, чтобы вырезать ножом на каждом куске буквы "Т", "С", "К", и две маленьких короны - для короля и для королевы. Пешки остались неподписанными. Гарри расставил фигурки в нужном порядке и пошел искать свою сожительницу.

Она загорала, лежа абсолютно голый у самого берега. Услышав предложение Гарри, она без энтузиазма пожала плечами, но согласилась; ей было скучно. Играть она не умела, и первые два дня ушли на запоминание правил. В конце концов Гарри просто написал их пальцем на песке - большие, кривые буквы, складывающиеся в неуклюжие слова: "ПЕШКА - ОДНА КЛЕТКА ВПЕРЕД НА ПЕРВОМ ХОДУ МОЖНО ДВЕ", "КОРОЛЬ - ОДНА КЛЕТКА В ЛЮБУЮ СТОРОНУ", "КОНЬ - ТРИ ПРЯМО ОДИН ВБОК". Первый раз сыграть по-настоящему им удалось лишь на седьмой день их жизни вдвоем. Гарри выиграл без особого труда, и первый раз в жизни понял, что его соседка не очень-то его и раздражает. Да и секс в тот день был гораздо более интересным, чем обычно. После этого они стали играть ежедневно.

Игры их со временем становились сложнее и изощреннее. Изначально будучи лишь способом хоть как-то провести время, шахматы постепенно занимали все более и более важную часть в жизни каждого из них. Каждый ход стал тщательно обдумываться и просчитываться, и на игру стало уходить гораздо больше времени. Если в начале они могли играть по три-четыре игры в день, то уже через месяц две трети суток уходило на одну-единственную партию. Пока его партнерша обдумывала очередной ход, рисуя на песке возможные комбинации, Гарри прохаживался по пляжу и смотрел вдаль. Спасательных кораблей не было; потерпевших крушение никто не искал. Они никому не были нужны.

Его партнершу корабли не интересовали, она с головой погрузилась в шахматы. Сначала играла неуверенно, часто путала фигуры и делала глупости, но вскоре ее игра стала резкой и напористой, ее атаки - жестокими и бескомпромиссными, ее ошибки - редкими и незначительными. Одним прекрасным вечером она впервые поставила Гарри мат, и после этого ни разу не проиграла. Тем же вечером закончились и их сексуальные отношения: она извинилась и сказала, что Гарри ее в этом плане больше не интересует.

У Гарри началась тяжелая жизнь. Теперь, чтобы играть с соседкой хотя бы на равных, ему приходилось присматриваться к ее привычкам, прислушиваться к ее желаниям, познавать ее душу и - проигрывать. Чаще всего, впрочем, игры сводились к ничьей. Каждая партия теперь длилась много дней, каждый ход обдумывался часами, на песке чертились хитроумные комбинации из ими же и выдуманных обозначений. Гарри ел, спал, плавал в море, гулял по пляжу, рисовал на песке большим пальцем ноги, мастурбировал и играл в шахматы - на этом скудный перечень его занятий заканчивался. Его соратница по несчастью обходилась куда меньшим. Большую часть ее жизни составляла игра, перерывы на сон и на еду становились все короче и короче. Ее короткие волосы выцвели на солнце до почти белого, кожа стала смуглой, а тело - высохшим и худощавым. Она и

сама стала похожа на шахматную фигуру, на черного офицера с белым кругляшом на голове.

Сами шахматы тоже изменились. Из бесформенных кусочков пластика с нацарапанными на них буквами, они превратились сначала в маленькие деревянные фигурки, неумело вырубленные из обломков ящика, а потом стали увеличиваться в размерах и принимать все более и более правильную форму - чтобы хоть чем-то себя занять, Гарри начал практиковать художественную резьбу, выискивая для этого все новые крупные куски дерева. Его грандиозной мечтой, его *opus magnum* было вырезать фигуры в человеческий рост, чтобы лучше прочувствовать игру. Он уже нашел достаточно ровную каменистую площадку вглуби острова, расчертил ее на шестьдесят четыре клетки и усердно выбелил половину из них найденным здоровенным куском известковой породы. Осталось найти соответствующие куски дерева, тридцать два здоровенных бруска, или пня, или полена. Мясницким тесаком было неудобно рубить деревья, но Гарри очень старался. Только это и отвлекало его от игры с соседкой, в которой он все с большей определенностью проигрывал.

Спустя месяц на острове, средняя продолжительность хода затянулась на дни. Гарри не торопился совершить неизменную ошибку, предпочитая спокойно вырезать из полена очередную фигуру, а его партнерша по игре проводила все это время в расчетах. И наблюдать за ней тоже было пыткой. Гарри уже и сам перестал разбираться в некогда им изобретенных значках и закорючках, которые та выводила на песке острым ножом, потом смотрела на них, долго хмурилась, стирала и рисовала новые. Но факт оставался фактом - подсчеты действовали, и играла она все лучше.

Гарри уже давно был влюблен в нее - холодную, расчетливую, отрешенную машину для шахматных ходов. И точно так же давно знал, что любовь его бесперспективна, потому что для ответного чувства нужно было ее заинтересовать, а для этого нужно было ее победить, а сделать этого он не мог. Так они и жили: он, даря ей все более и более крупные фигуры, и она, равнодушно принимающая подношения.

Оба были по-своему счастливы.

Так продолжалось довольно долго время - пока партнерша Гарри не сделала ошибку. То ли усталось и недосып взяли свое, то ли просто ветер разметал песчаные формулы в нужный момент, но ошибка была. Причем такая очевидная, что даже Гарри ее заметил. К этому времени они уже играли большими, деревянными шахматами на каменном плато, но каждый мог смоделировать ситуацию на маленькой доске. Гарри этого никогда не делал, она это делала всегда. Но на этот раз Гарри заметил ошибку. Он взял маленькую доску, расставил аккуратно вырезанные фигурки и принялся думать. Записывать в песок комбинации. Считать. Через пару часов голова у него заболела от голода и жары, но он не сдался. Он знал: это его шанс. Единственный, и, возможно, последний. Победа была у него в руках, но требовалось доиграть эту партию идеально. На исходе второго дня он сделал ответный ход. На этот раз его соседка думала не более трех минут. Она уже все давно просчитала и ждала, что Гарри ошибется. Он не ошибся. Еще один ход, и еще один

- Гарри все делал правильно. В вилке его соперница потеряла ладью. Потом ее ферзь попался в неминуемую ловушку. Они оба знали, что исход игры предрешен.

Ходы участились. Время теперь уходило, в основном, на то, чтобы перетащить тяжелую деревянную фигуру с клетки на клетку. Раз - и ее конь оказался съеден пешкой. Раз - и хитрый слон послал шах королю. Сердце Гарри бешено колотилось. Он первый раз в жизни посчитал что-то правильно и от начала до конца. Девушка мрачнела. Наконец, остался последний ход. Мат ферзем, пешкой и королем был почти закончен. Осталось лишь подвинуть пешку на одну клетку вперед. Гарри уверенно подошел к доске, напрягшись поднял пешку в руки и торжествующе обернулся, желая убедиться, что его спутница видит его победу.

В лицо ему ударил им же самим и вырезанный нос тяжелого шахматного коня. Гарри упал, пешка покатила прочь. Конь взлете и опустился ему на голову, потом еще и еще. Обагрённая кровью фигура вздымалась и падала, пока соседка покойного Гарри не выбилась из сил.

Она подошла к своему королю и опрокинула его на доску.

Потом села на песок и стала ждать спасения.

Об ее дальнейшей судьбе нам известно немного.